

РОССИЙСКО-МЕКСИКАНСКИЕ ВНЕШНИЕ СВЯЗИ И СРАВНЕНИЯ

Московкин Владимир Михайлович¹, Прижигалинский Андрей Валерьевич², Паулина Валоис³

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры мировой экономики

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, магистрант кафедры мировой экономики

³Белгородский государственный национальный исследовательский университет, магистр кафедры мировой экономики

Аннотация

С помощью сетевой поисковой машины Google Scholar идентифицированы зарубежные работы по международным сравнениям, в которых участвовали Россия и Мексика. Эти сравнительные исследования охватывали от 2 до 7 стран и относились к актуальным экономическим, финансовым, политическим, социокультурным, экологическим и медицинским проблемам.

Ключевые слова: [Мексика](#), [российско-мексиканские внешние связи](#), [российско-мексиканские отношения](#), [российско-мексиканские сравнения](#), [Россия](#)

RUSSIAN-MEXICAN FOREIGN CONTACTS AND COMPARISONS

Vladimir M. Moskovkin¹, Andrey V. Prizhigalinskiy², Paulina Valois³

¹Belgorod National Research University, professor of World Economy Department

²Belgorod National Research University, undergraduate of World Economy Department

³Belgorod National Research University, master of World Economy Department

Abstract

Through the web search-engine Google Scholar, there were the foreign works on international comparisons identified, wherein Russia and Mexico took part. These comparative studies covered from 2 to 7 countries and related to the actual economic, financial, political, sociocultural, ecological and medical problems.

Keywords: [Google Scholar](#), [Mexico](#), [Russia](#), [Russian-Mexican comparisons](#), [Russian-Mexican foreign contacts](#), [Russian-Mexican relations](#)

Рубрика: [Экономика](#)

Библиографическая ссылка на статью:

Московкин В.М., Прижигалинский А.В., Паулина В. Российско-мексиканские внешние связи и сравнения // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/11/17129> (дата обращения: 27.03.2019).

Изучая двусторонние внешние связи и сравнения между двумя странами, очень полезно обратиться к библиометрическим экспериментам с помощью Google Scholar и Google Books [1].

Покажем это на примере России и Мексики. Для изучения полноты изученности российско-мексиканских связей и сравнений, в первом приближении достаточно сделать поиск с помощью вышеуказанных инструментов по следующим словосочетаниям: Russia and Mexico, Mexico and Russia, Россия и Мексика, Мексика и Россия, Russian-Mexican relations, Russian-Mexican comparison, Russian-Mexican cooperation, Russian-Mexican trade, Mexican-Russian relations, Mexican-Russian comparison, Mexican-Russian cooperation, Mexican-Russian trade, российско-мексиканские отношения, российско-мексиканские связи, российско-мексиканские сравнения, российско-мексиканская кооперация, российско-мексиканское сотрудничество, мексикано-российские отношения, мексикано-российские связи, мексикано-российские сравнения, мексикано-российская кооперация, мексикано-российское сотрудничество.

При поиске этих словосочетаний в Google Scholar запросы следует делать в расширенном поиске в строке «точное словосочетание» (with exact phrase) по всему документу и по названию документа. Прделанные нами эксперименты привели к следующим результатам (табл. 1). Наибольшее количество откликов имело место на первые два словосочетания, причем поиск по всему документу дал на два порядка больше откликов, чем поиск по названию документа. Поиск по тем же, но русскоязычным словосочетаниям дал на два порядка, меньше откликов, чем в случае англоязычных словосочетаний. Все остальные перечисленные выше словосочетания не включены в таблицу, так как они, также как и четыре других словосочетания, включенных в таблицу 1, дали нулевые отклики.

Таблица 1 – Встречаемость словосочетаний, относящихся к российско-мексиканским отношениям. Google Scholar. Google Books. 20 мая 2016 г.

Словосочетания	Google Scholar		Google Books
	Количество откликов		Количество откликов
	Поиск по всему документу	Поиск по названию документа/ полнотекстовые документы	Поиск по всему документу
Russia and Mexico	1560	9/7	44
Mexico and Russia	2800	26/10	71
Россия и Мексика	21	2/1	15
Мексика и Россия	24	3/1	17
Russian-Mexican relations	4	1/0	0
Russian-Mexican comparison	0	0/0	0
Mexican-Russian relations	1	0/0	0
Mexican-Russian comparison	0	0/0	0
Russian-Mexican	0	0/0	0

cooperation			
Mexican-Russian cooperation	0	0/0	0

Всего полнотекстовых документов, с учетом их дублирования в таблице 1, было найдено 17. Из них 16 было англоязычных. Прделаем ниже краткий их обзор.

В работе [2], опубликованный в 2002 г., обсуждался следующий важный вопрос. Имеет ли прошлый опыт Мексики в качестве «управляемой демократии» какую-либо релевантность для понимания событий в современной России? На первый взгляд, есть существенные различия между Мексикой и Россией. Россия является ядром рухнувшей сверхдержавы (СССР), с хорошо развитой производственной и научной инфраструктурой; Мексика же является развивающейся страной. Россия имеет большие претензии на власть и, кроме того, является крупным региональным игроком, в то время как Мексика всегда существовала в значительной степени в тени своего северного соседа (США). Тем не менее, еще в 1940-х годах, американский журналист Уильям Линдси Уайт (W. L. White – William Lindsay White) [3] предположил, что американцы могли бы лучше понимать происходящие события в России через призму ее сравнения с Мексикой. Гильермо О’Доннел (Guillermo O’Donnell) [4] среди прочего, провел важные и полезные параллели между странами Латинской Америки и Восточной Европы в их соответствующих направлениях на пути к демократии, а Роберт Лейкен (Robert Leiken), в статье журнала Форин афферс (Foreign Affairs), сослался на важность сравнения Мексики и России [5]. Россия и Мексика имеют некоторое количество общих элементов в их соответствующих политических культурах. Собственное позиционирование Мексики как «иберо-американского» слияния европейских и индейских компонентов отдается эхом представлением России как «евразийского» объединения (общества), служащего мостом между европейскими, исламскими и азиатскими цивилизациями. Обе страны (Мексика и Россия) имеют сильные авторитарные и социалистическо-коммунистические корни, которые сыграли важную роль в формировании их политических культур. Самым поразительным, однако, является та степень, в которой Россия при президентстве Владимира Путина, по всей видимости, движется по направлению к созданию политического режима «управляемой демократии», напоминая то, что возникло в Мексике после 1940-х при Институционно-революционной партии – ИРП (Partido Revolucionario Institucional – PRI). Постсоветский режим, формирующийся ныне в России, похоже базируется на основе примата правящей партии, способной управлять коалицией пропрезидентских политических и деловых интересов, объединенных стремлением недопущения когда-либо оппозиции – как политической, так и экономической – к власти. Это сочетается с президентской «координацией» (согласованием) ключевых социальных и культурных институтов в гражданском обществе (с отдельными актами репрессий в целях трассировки границ плюрализма). Описание ситуации в Мексике при ИРП может так же легко быть применимо к путинской России: ИРП олицетворяет режим, «делающий акцент на политическую стабильность с экономическим ростом», который стремится зацементировать существующий порядок вещей, но при этом ограждает систему от дальнейших революционных потрясений; он характеризуется необычайно сильной исполнительной властью, которая сама иницирует законы и задает политический курс страны; существует неопределенность между «широкими индивидуальными свободами и ... ограниченными организационными свободами». В самом деле, есть четыре основных области, где можно провести полезные аналогии между управляемой демократией в Мексике при ИРП и тем, что зреет в России при Путине: создание пропрезидентской правящей партии; управление избирательным процессом; методы при которых механизмы контакта между режимом, с одной стороны, и ключевыми социальными и экономическими акторами (субъектами) страны, с другой стороны, создаются и

поддерживаются; а также определение границ инакомыслия в рамках «политики стабильности». Если, как утверждают многие высокопоставленные российские чиновники, период реформ – то есть радикальные перемены в политической и экономической системе страны – подходит к концу, то в таком случае система, которая смешивает демократические и плюралистические элементы с авторитарными тенденциями, является наиболее вероятным исходом (последствием). Политический режим, который создала и поддерживала впоследствии ИРП в Мексике – подобно смешиванию демократических и авторитарных свойств (признаков) – показал большую устойчивость, сохраняясь на протяжении уже более семи декад. Его сторонники утверждают, что он обеспечил политическую стабильность и безмятежность в стране (минуя цикл военных госпереворотов, от которых очень пострадала остальная часть Латинской Америки), предусмотрел создание и развитие процветающего гражданского общества, а также стимулировал экономический рост. В конечном счете, все это подготовило почву к еще большей демократизации, а также к более тесной экономической интеграции с США. Недоброжелатели же режима указывают на его наследие в виде репрессий и коррупции – бедствий, которые также терзают и сегодняшнюю Россию. Таким образом, сравнение между Мексикой и Россией помогает дать полное представление о возможном направлении эволюции российской политической системы в течение следующей декады [2].

В книге Даниэла Спенсера “Невозможный треугольник: Мексика, Советская Россия и США в 1920-х годах” [6] отмечается, что после революции в России Мексика была вовлечена в дипломатическое противостояние идеологий двух сильных держав. В ней исследуются запутанные отношения между Россией и Мексикой в годы, следующие за драматическими революциями в этих странах, а также роль, которую играли США в этот турбулентный период. Сводя воедино мексиканские, советские и североамериканские (а также британские) перспективы, Спенсер показывает, как конвергенция внешней и внутренней политик каждой из стран мешает им всем вместе налаживать гармоничные трехсторонние отношения. На основе документов из архивов ряда стран, в том числе докладов бывших мексиканских дипломатов в Москве, которые прежде никогда не изучались, книга анализирует мотивацию мексиканского правительства в установлении отношений с СССР в условиях продолжающегося империалистического давления и резкой оппозиции со стороны США. После объяснения того, как Мексика установила дипломатические связи с Советским Союзом в 1924 году, в попытке расширить спектр своих союзов после нескольких лет шероховатых взаимоотношений с США, Спенсер показывает тревожную природу сложившихся впоследствии отношений. Советская политика в отношении Мексики характеризуется серией глубоких противоречий, варьируя от пренебрежения к серьезной вовлеченности в мексиканскую политику и веры в то, что Мексика может стать эпицентром мировой революции. Работая над разрешением и разъяснением этих противоречий, Спенсер выясняет, как, несмотря на американские демарши в адрес мексиканско-советских связей, Мексика продолжала свою ассоциацию с СССР до тех пор, пока США не провозгласили «Политику добрососедства» («Good Neighbor policy»), тем самым смягчив свою позицию по отношению к революционной программе Мексики после 1927 года. Снабженная предисловием Фридриха Катца (Friedrich Katz) и проиллюстрированная разъясняющими фотографиями, «The Impossible Triangle» способствует пониманию международного аспекта мексиканской революции. Эта работа может быть интересна студентам и ученым-историкам, и будет представлять интерес для изучения революционной теории, политологии, дипломатии и международных отношений [6]. Отметим также, что Мексика попала в еще большее влияние от США при создании в 1994 г. НАФТА и подписании в 2005 г. политического договора “О безопасности и процветании Северной Америки”.

Работа [7] представляет собой сравнительный исторический анализ взаимосвязи между экологической активностью и отношениями между государством и обществом в 20-м веке в России и Мексике. Она анализирует три основных течения энвайронментализма (или инвайронментализма; environmentalism), которые зародились в очаге социальных революций – в Мексике в 1910 году, и в России в 1917 году, а также те роли, которые каждое из течений играло в процессе демократизации, начавшейся в 1980-х годах. Исследование основано на критической оценке и синтезе следующих теоретических областей: коллективное действие, общественные движения, смена (изменение, преобразование) политического режима и переход к демократии. Научная литература и печатные источники (пресс-источники) используются, чтобы подкреплять и оценивать добытые из них сведения за счет всесторонних и качественных интервью с экологическими активистами, исследователями, юристами и журналистами, а также данными включенного наблюдения (participant observation; тип исследования, введенный в научный оборот Э. Линдеманом, предполагающим сбор информации через непосредственное участие исследователя в событиях и действиях, совершаемых участниками изучаемой группы), проводимого автором в России и Мексике. Основные выводы исследования двукратны: 1) экологическая активность влияет на социальную, а не на политическую демократизацию; 2) тип экологической активности, который имеет наиболее существенное влияние на социальную демократизацию называется социальным энвайронментализмом – движение, которое придает особое значение синергетическому эффекту между борьбой за социальную справедливость и гражданскими правами, с одной стороны, и борьбой против ухудшения состояния окружающей среды, с другой стороны [7].

В статье [8] отмечается, что в 1987 году две страны, имеющие важнейшее значение для США – Россия и Мексика – встали на путь амбициозных экономических реформ. Несмотря на различные исторические, культурные и политические наследия, обе державы были вынуждены взаимодействовать в контексте глобальных политических и экономических преобразований, которые выдвинули рыночные механизмы в центр все более и более интегрированной и конкурентной мировой экономики. В этом зарождающемся порядке эффективность, производительность и частные инвестиции во все большей степени признаются в качестве эффективных, и, следовательно, преимущественных детерминант (решающих факторов) национального прогресса и экономического развития. Напротив, иконы коммунистических и социалистических государственных систем – централизованное планирование (госплан), государственные отрасли народного хозяйства, автаркические экономические структуры и огромный административный бюрократизм – стали восприниматься как факторы, препятствующие росту и национальной экономической безопасности. Отвечая на этот вызов, политические курсы, проводимые в России и Мексикой, стремятся к поиску эффективных рыночных систем, которые предоставят улучшенное социальное обеспечение и интеграцию в мировую экономику. Для достижения этой цели они (Россия и Мексика) приняли меры, которые в настоящее время являются стандартным арсеналом режимов экономических реформ во всем мире, такие как приватизация, деколлективизация сельского хозяйства, а также снижение внутренних барьеров для торговли и иностранных инвестиций. Результаты их усилий, однако, разнятся. Несмотря на то, что к сравнению стран с различным историческим прошлым стоит подходить с большой осторожностью, во всем мире целый ряд важнейших политических вызовов (проблем) распределяется (делится) по программам экономических реформ. Даже там, где характеры мер, принимаемых реформистскими правительствами (такие как либерализация цен и продажа государственных предприятий), похожи, такие факторы, как темп и последовательность реформ и гарантия государственной поддержки могут радикально повлиять на конечный результат. В значительной степени благодаря различиям в том, как проводятся реформы,

Россия и Мексика стоят на пороге различных экономических перспектив: Мексика, показывающая значительный потенциал, и Россия, имеющая дело с продолжающимися трудностями и долгосрочной неопределенностью. Сравнение имеющихся вариантов развития, взятых на вооружение в России и Мексике, указывает на ряд ключевых требований (необходимых условий) для успешного реформирования централизованной экономики [8]. Эта статья написанная, исключительно, с либеральных позиций контрастирует с работами [2, 6], в которых доказывается наличие общих черт в развитии рассматриваемых стран, включая наличие авторитарных инструментов “управляемой демократии”, которая несет стабильность этим странам.

В работе американского исследователя из университета Колорадо Е.С. Овермана, опубликованной в 1995 г. [9], рассматривается глобальный феномен приватизации, который принимает различные формы, приводит к той или иной степени успеха и влечет за собой широкий спектр положительных и отрицательных последствий. Это трехлетнее исследование сравнивает достижения приватизации в Китае, Мексике и России. Оно было проделано на основе постоянных взаимных визитов экспертов этих стран, сочеталось с формальными и не формальными интервью, причем в Китае и России они брались у правительственных чиновников и ученых, а в Мексике у представителей бизнеса. Серия международных форумов была проведена на базе Graduate School of Public Affairs при университете Колорадо. В работе отмечается, что вышеуказанные страны преследовали и претворяли в жизнь различные политические стратегии, экономические цели, финансовые модели и модели права собственности, а также административные средства приватизации. Каждое рассматриваемое государство столкнулось со специфическими экономическими и социальными последствиями (результатами) своих попыток приватизации. Последовательный набор предпосылок (необходимых условий) для успешной приватизации описан в данной статье. Показано, что приватизация во многом зависит от культурного наследия и социополитического контекста, в котором она имеет место быть [9]. Отмечено, что при проведении приватизации в Мексике уже сложился институт частной собственности, в отличие от Китая и России. На наш взгляд, глубокий и не афишируемый смысл проведения этого исследования состоял в том, чтобы изучить возможности и перспективы участия западных компаний в приватизации громадной государственной собственности России и Китая, которые пошли по пути либеральных реформ.

В работе [10] изучены проблемы страхования сбережений населения, как очень бедных (Бангладеш, Эфиопия, Мали), так и более богатых стран (Россия, Мексика). В ней синтезируются результаты пяти исследований МИИПроП (Международного исследовательского института продовольственной политики – IFPRI) с использованием панельных данных по домашним хозяйствам (панельными называют данные, содержащие сведения об одном и том же множестве объектов за ряд последовательных периодов времени) Бангладеша, Эфиопии, Мали, Мексики и России. Исследована степень, в которой домашние хозяйства способны застраховать и защитить свои сбережения и уровень потребления от конкретных (специфических) экономических шоков и колебаний в реальных доходах. Уровень страхования потребления (consumption insurance) определяется степенью, в которой темп роста потребления домашних хозяйств коварируется (от сущ. ковариация) с темпом роста доходов домашних хозяйств. Все тематические исследования показывают, что потребление продуктов питания застраховано (обеспечено) лучше, чем непродовольственное потребление, от идиосинкразических (специфических) шоков. Корректировки непродовольственного потребления, по всей видимости, выступают в качестве механизма для частичного страхования продовольственного потребления от последствий изменений доходов. Потребление продуктов питания, скорее всего, также будет охвачено неформальными

страховыми механизмами (договоренностями) на уровне общины (сообщества людей), в отличие от непродовольственного потребления. Домашние хозяйства используют портфель (пул) контр рисков (анти рисков) стратегий, но не могут быть все в равной степени в состоянии использовать их. Малоимущие (бедные) домашние хозяйства, скорее всего, в меньшей степени способны использовать механизмы, которые зиждутся на первоначальном богатстве как дополнительном обеспечении. В этой связи, публичные (государственные) трансфертные программы должны иметь более пере распределительный эффект [10].

В работе [11] оценивается эффективность показателей нидерландского социолога Герта Хофстеде, определяющих культурные характеристики различных народов, применительно к задачам городского планирования в разрезе шести стран – США, Мексики, Сербии-Черногории, России, Японии и Южной Кореи. Это исследование основано на классической работе Г. Хофстеде 2001 г., в которой многовариантный анализ на основе пятимерной модели автора был проведен для более чем пятидесяти стран мира. В основе модели лежало анкетирование, содержащее 26 вопросов на 6 языках, по которым с помощью сто балльной шкалы оценивались пять показателей: дистанцированность от власти (Power Distance, PDI), избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance, UAI), индивидуализм (Individualism, IND), напористость (Masculinity, MAS), стратегическое мышление или ориентация на долговременные цели (Long-term Orientation, LTO). В работе [11] были приведены первичные результаты исследования Г. Хофстеде по рассматриваемым шести странам (табл. 2).

Таблица 2 – Матрица показателей Г. Хофстеде для 6-ти рассматриваемых стран

Страна	PDI	UAI	IND	MAS	LTO
Япония	54	92	46	95	80
Мексика	81	82	30	69	-
Южная Корея	60	85	18	39	75
США	40	46	91	62	29
Сербия и Черногория	86	92	25	43	-
Россия	93	95	39	36	-

Из этой таблицы хорошо видно, что, например, степень индивидуализма меньше всего развита в Кореи, Сербии и Черногории, Мексики и России и больше всего в США. В то же время, дистанцированность от власти больше всего проявляется в США и Японии.

Возвращаясь к работе [11] следует сказать, что в ней проведен опрос 343 сотрудников по вопросам городского планирования и проделан межгрупповой однофакторный дисперсионный анализ с целью проверки на общие отличия в показателях Хофстеде. Обнаружено, что служащие государственного планирования в разрезе стран существенно отличаются друг от друга по всем пяти измерениям (аспектам) культуры. Даны комментарии по поводу того, как культурные различия могут учитываться в отношении градостроителей (городских планировщиков) к пропагандистской деятельности, планированию социальной справедливости, рыночному планированию, гражданскому участию и другим вопросам, имеющим отношение к задачам (роли) градостроителей [11]. Отметим, что матрица распределения показателей Г. Хофстеде для городских планировщиков рассматриваемых стран сильно отличается от аналогичной матрицы, полученной на гораздо более широкой выборке, характеризующий населения стран в целом (табл. 2).

В работе [12], опирающейся на данные по государственным долгам Бразилии, Мексики и России, разработана база данных “облигация за облигацией” с 1990 по 2005 года, которая учитывает всю имеющуюся в наличии информацию по бай-бэкам (или обратным выкупам; buybacks) и свопам (swaps). Дана оценка индикатора среднесрочного погашения долга. Проанализировано поведение этих трех развивающихся стран (государств в целом и их верховной власти в частности) в вопросах управления своими долговыми профилями и обслуживания своих долгов. Показано, что средний срок погашения долгов улучшился во всех трех странах с 2000 года по 2005. Однако эта эволюция подвержена неопределенности относительно возможности будущих бай-бэков, свопов и других реструктуризаций [12].

По сравнению с Бразилией и Россией, в Мексике улучшения проявляются более прогрессивно. Кроме того, наблюдается больше примеров свопов на Евробонды (Еврооблигации) в Мексике. Если мы рассмотрим первоначальные критерии «первородного греха» (the original sin-обычно используемая метафора в экономической литературе; она предложена Barry Eichengreen, Ricardo Hausmann и Ugo Panizza в серии статей, описывающих ситуацию в которой большинство стран не способны делать заимствования за рубежом в их домашней валюте), то мы увидим, что первичный выпуск долгосрочных международных долговых обязательств (IPO – Initial Public Offering; первичное публичное размещение) в национальной валюте выступает в виде исключения [12].

В работе «Six Sizzling Markets» («Шесть горячих рынков») [13], закаленный финансовый ветеран Пран Тику (Pran Tiku) излагает подробные и сбалансированные доводы для инвестирования в развивающиеся экономики Бразилии, России, Индии, Китая (БРИК; BRIC), Южной Кореи и Мексики. Он анализирует инвестиционные возможности каждой исследуемой страны на основании восьми ключевых факторов, которые будут революционизировать порядок вещей и весь мир: демография, экономическое исполнение, технологии, открытая торговля, инфраструктура, прозрачность и законодательство, образование и обучение, финансовая система и политика. В работе также рассматриваются наиболее доходные отрасли этих стран. Отмечается, что пронизанная глубокими идеями и рекомендациями экспертов книга «Six Sizzling Markets» может помочь специалистам извлечь пользу от перспективных развивающихся мировых рынков [13].

В работе [14] рассматривается вопрос стоимости конверсии долгов России и Мексики в сравнительном плане. При рассмотрении ситуации в России отсчет анализа событий ведется с середины июля 1998 года, за год до августовского дефолта и девальвации рубля, когда правительство России сделало последнюю отчаянную попытку восстановить доверие на рублевом рынке краткосрочных казначейских векселей (GKO; Государственные краткосрочные облигации (ГКО), или официально государственные краткосрочные бескупонные облигации Российской Федерации). С номинальной доходностью по финансовым инструментам в среднем в 63% в 1996 году и 26% в 1997 году и резким ростом вновь в начале 1998 года, номинальная стоимость облигаций на рынке стремительно увеличилась до 70 млрд. долл. к июню 1998 г., из которых только 55 млрд. были процентным компонентом. Было очевидно, что что-то должно быть сделано и потому выбор встал между конвертированием некоторых ГКО в долгосрочные долговые обязательства (ценные бумаги) или конвертацией в долларовые ценные бумаги. Российское правительство выбрало второй вариант и организовало своп (замену) ГКО-Евробонды. В общей сложности 27,5 млрд. руб. в ГКО были конвертированы в 4,4 млрд. долл. в Евробондах. Были выпущены два типа Евробондов, с датами погашения 2005 и 2018 годов. Доходность к погашению (The Yield to maturity (YTM), book yield or

redemption yield) новых Еврооблигаций была установлена на модифицированном голландском аукционе (modified Dutch auction; торги на понижение цены с дополнительными условиями; техника сбыта для продажи акций (ценных бумаг), когда цена покупки (предложение покупки) начинает сначала расти (или изначально выступает высокой), а потом постепенно снижается до тех пор, пока достаточное количество предложений (заявок) на продажу разом всех имеющихся акций не размещено) и составила 14,91% и 15,20% соответственно. Своп сулил уменьшить обслуживание долга в предстоящем году и, поскольку доходность к погашению по ГКО была намного выше, чем доходы по Евробондам, уменьшить затраты на выплату процентов по общей сумме долга (ГКО и Евробондам). Была надежда, что своп также поможет восстановить доверие на финансовых рынках России, отводя (отсрочивая) угрозу девальвации. Первоначально казалось, что своп прошел успешно. Суммарные обязательства по погашению ГКО в 1998 году сократились на 27 млрд. руб., таким образом, облегчив давление на бюджет.

Доходность к погашению по вновь эмитированным Евробондам составила около 15%, что намного ниже, чем 130% преобладающих на рынке ГКО как раз перед стартом свопа. Цены на остальные ГКО немного восстановились. Однако, в конечном счете, своп провалился. Стабилизация на ГКО рынке оказалась временной. Месяц спустя правительство было вынуждено объявить дефолт по обслуживанию своих обязательств по ГКО и девальвировать национальную валюту. Целью данной работы является оценка суммарных выгод и затрат июльского свопа. Преимущества свопа включают: небольшой выигрыш во времени до девальвации, который правительство получило путем уменьшения обслуживания долга в июле и августе, а также краткосрочное улучшение на финансовых рынках после объявления (анонса) свопа. Затраты на своп состоят из процентных издержек и потерь капитала. В аналогичном плане анализируется и сходная ситуация в Мексике [14].

В 2012 г. в двух номерах “Международного журнала прикладных и фундаментальных исследований” были опубликованы две большие статьи российских и мексиканских авторов, посвященных российско-мексиканским отношениям [15, 16].

В первой статье, выше указанных авторов, речь больше идет о торгово-экономических отношениях между двумя странами [15]. Отмечается, что несмотря на то, что на карте мира Россия и Мексика расположены очень далеко друг от друга, их торговые и экономические отношения развивались стабильно на протяжении многих лет. Последние пятнадцать лет экономические отношения между обеими странами испытали радикальное падение. Причины такого падения, конечно, имели не односторонний характер, и для того, чтобы хотя бы вернуться к уровню 60-70-х годов, необходимо понять причины такого падения, и начать восстанавливать разрушенные связи. Россия – страна жесткая и богатая, с большой инфраструктурой, с высоким техническим и научным потенциалом. Мексика также страна с огромными природными ресурсами, которая последние 15 лет, в отличие от России, вела интенсивный процесс модернизации и строила сложный и разнообразный рынок. Обе страны имеют собственные специфические географические характеристики: если Россия расположена в северной части земной полусферы, то Мексика помещена между тропиком козерога и экватором. Их климат также отличается значительно по средним температурам, вегетационным условиям и условиям производства сельскохозяйственной продукции.

В последние годы Россия выстраивала мощные коммерческие связи с Германией и Западной Европой, Мексика же ориентировала свои торговые взаимоотношения на Соединенные Штаты. Для России сегодня основной проблемой является строительство своего рыночного хозяйства, для Мексики – возможности диверсифицировать свои

торговые отношения, которые сегодня в значительной степени ограничены товарооборотом с Соединенными Штатами (97% внешней торговли).

В России до последнего времени экономика была ориентирована на производство крупного оборудования, добычу полезных ископаемых и другие стратегические ветви экономики, а ее общество потребления появилось только в последние 15-20 лет. Мексика же всегда была страной с гораздо меньшим размером промышленной инфраструктуры, но отличалась производством товаров и услуг, характерных для общества потребления. Российский рынок мог бы в значительной степени потреблять тропические продукты и зарабатывать на их продаже, а мексиканский рынок мог бы получать продукты и оборудование для горного дела, а также от других промышленных производств России. Но мало определить, какие возможности существуют, нужно понять, почему они не реализовывались заключают авторы статьи [15].

Во второй статье [16] авторы апеллируют к мнению одного из ведущих западных финансистов – Уоррену Баффету, который говорит о том, что есть две вещи, о которых многие люди стараются не думать: о том, что периоды процветания и достатка когда-то неизбежно заканчиваются кризисами и, что глобализация мировой экономики рано или поздно приведет к мировому кризису. По его мнению, озвученному в одной из программ телекомпании Си-эн-би-си (CNBC), сегодняшний глобальный кризис экономики развивается по наихудшему из имеющихся сценариев. Ситуация становится еще хуже, чем во времена Великой депрессии. «Я думаю, что с американской экономикой будет все в порядке не ранее чем через пять лет, но я бы хотел, чтобы это произошло раньше», сказал он. Баффет оценивает сегодняшнюю экономику как экономический Перл-Харбор. Тем не менее, это война, которую мы обязаны выиграть, добавляет он. Авторитетный американский бизнесмен считает, что сегодня экономика движется вниз. По его оценкам экономики Е7 (группа семи стран с развивающимися экономиками – Россия, Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и Турция) будут по-прежнему оставаться позади экономик G7 по показателю доходов на душу населения даже в 2050 году. Но они (Е7) будут постепенно догонять страны G7 с течением времени, с китайским средним уровнем дохода чуть меньше половины от американского к 2050 году и индийским средним уровнем дохода около четверти от американского к то же самому времени (2050 году).

Баффет также отметил, что кризис изменил американские привычки и вселил страх в его соотечественников, в результате чего они перестали верить государству и бизнесу, который (бизнес) ассоциируется с измененными привычками американцев, начавших на всем экономить. Он говорит: «Система не может работать без человеческого доверия. Необходимо преодолеть нынешнюю ситуацию подобно тому, как США преодолели аналогичную в тридцатых годах». Великая депрессия 30-х годов прошлого столетия в США не только повлияла на экономики стран, непосредственно связанных с США, но коснулась даже СССР, страну, закрытую от всего мира политикой «железного занавеса», пытающуюся построить самодостаточную и изолированную экономическую модель.

Формирование изолированной экономики породило большой перекося структуры в СССР. Первые структурные проблемы, видимо, появились уже в 60-х годах и знаменитая реформа Косыгина была направлена как раз на то, чтобы нивелировать их. Но реформа провалилась из-за политической приверженности (солидарности; political commitment), а искаженная перекосями структура стала сильнее к концу 80-х годов, которая в значительной степени привела к распаду СССР. Нынешняя Россия – часть мировой экономической системы и потому становится более подверженной тем катаклизмам, которые происходят в мировой экономике при ускоренных глобализационных процессах в

последние годы. По крайней мере, это стало очевидным в сегодняшнем кризисе, который охватил весь мир и коснулся Россию, даже в большей степени, чем развитые державы.

Каковы причины этого кризиса и каковы пути выхода из него? Мнения ведущих российских экономистов о путях преодоления сегодняшнего экономического кризиса в России и о российском будущем в целом за последнее время разделились. Что же делать? Помогать правительству, которое, кстати, не думает о том, что необходимо пользоваться чьей бы то ни было помощью, или бороться с ним, присоединившись к яростной оппозиции по отношению к власти. Некоторые, как Андрей Илларионов, бывший советник президента Путина, подтверждают, что не представляется возможной сегодня совместная работа с властью (правительством премьер-министра Владимира Путина), так как последняя вредит собственной стране. Остальные, как Егор Гайдар, бывший премьер-министр в период президентства Ельцина, не согласны с этим. Гайдар пишет: «Дело в том, что я видел, что случилось с моей собственной страной после того, как власть сильно повредила свою же экономику. Я знаю, что такое неконтролируемое расстройство системы (беспорядки, разброд) в стране, полной ядерного оружия. И я никогда не признаю тезис о том, что чем хуже, тем лучше («The worse, the better»)!». Гайдар уверен, что даже если текущая власть несовершенна, лучший выход из данной ситуации – это ее собственное обновление, а не обычное банкротство (фиаско). Крах России действительно создаст ужасные последствия, прежде всего для самой России, а также и для всего остального мира. С течением времени различные правители и правительства приходили к власти, а затем были брошены на задворки истории, но Россия всегда восставала из пепла и вновь удивляла мир.

Авторы статьи хотели бы верить, что Россия выйдет из сегодняшнего кризиса и встанет на путь демократии, становясь все сильнее и сильнее, и не только экономически. В этой статье сделана попытка дать анализ существующих работ по кризису в российской экономике, объективно оценить причины развития кризисных явлений в России и представить на рассмотрение различные модели будущего этой страны, разработанные различными экономистами и политологами [16].

Исследование американского ученого Кевина Джонса [17] в области гражданского насилия и политической нестабильности дало важную базовую информацию об условиях, которые имеют потенциал для увеличения рисков массового насилия, политической нестабильности или несостоятельности государства. Тем не менее, трудности по сбору, анализу и интерпретации данных, непосредственно перед и во время всплеск конфликта, ограничивают аналитиков в идентификации того, какая конфликтная страна может погрузиться в политическую нестабильность или хаос во время целевой интервенции или эффективного ответа на нее. Данная работа представляет собой концептуальный каркас для анализа гетерогенного и динамичного характера локального конфликта. В ней обосновывается необходимость описания динамики конфликта, таким образом, как он протекает, чтобы понять в режиме реального времени политические, экономические и социальные факторы рассматриваемого конфликта. Обосновывается также необходимость сбора высокоразрешающих данных для анализа социальной нестабильности.

Автор демонстрирует эффективность такой конструкции и применяет ее к трем тематическим исследованиям: кенийским президентским выборам в 2007 году, войне между Грузией и Южной Осетией в 2008 году и мексиканским нарковойнам в 2010 году. Результаты тематических исследований свидетельствуют о том, что анализ высокоразрешающих данных о происходящих событиях непосредственно перед началом двух первых конфликтов мог бы способствовать раннему (скорейшему) обнаружению и

предупреждению возможности крупномасштабного гражданского насилия в будущем. Третий же случай дает ретроспективное аналитическое понимание динамики локального конфликта. В данной работе утверждается, что в эпоху негосударственных субъектов (акторов), эмерджентных конфликтов (то есть возникающих внезапно) и масштабной эксплуатации природных ресурсов, новый концептуальный подход к сбору данных о конфликтных ситуациях и процессах может обеспечить низко затратный, приближенный к реальному времени, мониторинг и оценку текущих и потенциальных конфликтов в многочисленных регионах мира [17].

Следующие три статьи в обзоре зарубежных работ по международным сравнениям, с участием России и Мексики, посвящены проблемам здравоохранения.

Используя национальные стандарты США в работе [18], исходные данные для сравнительного анализа заболеваемости диабетом второго типа были получены в Индии, Китае, Бразилии, Мексике и России в рамках реализации программы Staged Diabetes Management. Staged Diabetes Management – клиническая многоступенчатая программа, разработанная Международным Центром Диабета (International Diabetes Center (IDC)) при поддержке образовательными грантами от Vecton Dickinson, and Company (BD), для профилактики, выявления и лечения диабета и его осложнений. Эта программа является систематическим мониторингом и менеджментом этой болезни и ее осложнений с точки зрения первичной медицинской помощи. В общем и целом было обследовано 5507 пациентов (2778 человек – из Индии, 489 – Китая, 1106 – Бразилии, 925 – Мексики, 209 – России). Ни один из обследованных пациентов не соответствовал стандартам США для HbA1c (гликированный (гликозилированный) гемоглобин) и кровяного давления. Пациенты из Китая, Индии и Мексики удовлетворяли критерию для LDL \geq 130 mg/dL (LDL – low density lipoprotein; липопротеины низкой плотности (ЛПНП, ЛНП); мг/дл – миллиграмм на децилитр). Постпрограммные данные российских сайтов показали значительное улучшение в HbA1c ($p < 0.00001$). В Бразилии был отмечен тренд к повышению артериального (кровяного) давления и уровня глюкозы в крови. Оценка состояния текущего лечения диабета, с использованием национальных критериев США, может служить ориентиром для принятия мер по ее улучшению. Сбор дополнительных данных оценивает воздействие рассматриваемой программы и идентифицирует области, требующие дальнейшего принятия мер [18].

В работе [19] отмечается, что имеется мало информации об утрате всех своих зубов – эдентулизме (edentulism) или синдроме выпадения зубов – среди пожилых людей в странах с низким и средним уровнями доходов. В настоящей статье изучается ареал распространения эдентулизма и ассоциированных с ним факторов риска среди пожилых людей с помощью перекрестного исследования в разрезе шести стран. Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по глобальному старению и здоровью взрослых (the World Health Organization (WHO's) Study on global AGEing and adult health (SAGE) Wave 1, 2007-10) первой волны (или второго раунда сбора данных) были использованы в этой статье для исследования взрослых людей в возрасте 50+ из Китая (выборка N = 13367), Ганы (N = 4724), Индии (N = 7150), Мексики (N = 2315), России (N = 3938) и Южной Африки (N = 3840). Была использована многомерная регрессия для оценки предсказателей (predictors) эдентулизма. Всеобщая распространенность эдентулизма составила 11,7% в шести рассматриваемых странах; интегральный эдентулизм в Индии, Мексике и России имеет более высокие показатели распространенности (16,3%-21,7%), чем аналогичный показатель в Китае, Мексике и Южной Африке (3,0% -9,0%). В многомерном логистическом анализе социально-демографические факторы (пожилой возраст, низкий уровень образования), хронические заболевания (артрит, астма), поведение (образ жизни), связанное с риском для здоровья

(ежедневное употребление табака, недостаточная потребление фруктов и овощей) и другие переменные, связанные со здоровьем (функциональная недостаточность (инвалидность) и низкая социальная сплоченность) были ассоциированы с эдентулизмом. Сделан вывод, что национальные оценки и идентифицированные факторы, связанные с эдентулизмом, среди пожилых людей в разрезе шести стран, могут помочь определить области для дальнейшего изучения и превентивные меры [19].

В работе [20] изучены поведенческие факторы риска нездорового образа жизни для шести избранных стран, в которые входят Россия и Мексика. Эти факторы риска, такие как употребление табака, нездоровое питание, недостаточная физическая активность и чрезмерное употребление алкоголя являются известными и модифицируемыми катализаторами (стимуляторами) неинфекционных заболеваний (non-communicable diseases (NCDs)) и здравоохраняемые (связанные со здоровьем) медиаторы (mediators). Целью данной работы являлось описание распространения основных факторов риска для неинфекционных болезней по социально-экономическому статусу (socioeconomic status (SES)) среди взрослых людей в возрасте 50+ в пределах страны и сравнение их в разрезе шести стран с доходами ниже и выше среднего уровня.

Популяционная выборка пациентов в данной работе заимствована из SAGE Wave 1 (исследование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по глобальному старению и здоровью взрослых (the World Health Organization (WHO's) Study on global AGEing and adult health (SAGE) Wave 1, 2007-10) первой волны (или второго раунда сбора данных)), которое включает в себя участников – взрослых людей возрастной категории 50+ из Китая (выборка N = 13517), Ганы (N = 4305), Индии (N = 6560), Мексики (N = 2318), России (N = 3938) и Южной Африки (N = 3836). Были определены семь основных общих (распространенных) факторов риска для неинфекционных болезней: ежедневное употребление табака, частое и чрезмерное употребление алкоголя, низкий уровень физической активности, недостаточное овощное и фруктовое питание, высоко рисковое соотношение (пропорция) объема талии к бедрам, ожирение и гипертония (артериальная гипертензия). Мультипликативные факторы риска были также рассчитаны путем суммирования всех этих факторов риска.

Результаты исследования показали, что распространенность ежедневного употребления табака колеблется от 7,7% (в Гане) до 46,9% (в Индии); наибольший уровень постоянных (устойчивых) алкоголиков был отмечен в Китае – 6,3%, а наименьший в Индии – 0,2%; самый высокий показатель распространенности низкой физической активности принадлежит ЮАР – 59,7%. Самая большая распространенность респондентов с высоко рисковым коэффициентом объема талии к бедрам наблюдается в Мексике – 84,5%; а распространенность гипертонии, на основе самостоятельного предоставления данных респондентами (самоотчет, собственная оценка), ранжируется от 33% в Индии до 78% в Южной Африке. Ожирение наиболее распространено в Южной Африке, России и Мексике – 45,2%, 36% и 28,6%, соответственно, в сравнении с Китаем, Индией и Ганой – 15,3%, 9,7% и 6,4%, соответственно. Китай, Гана и Индия имеют более высокую распространенность респондентов с мультипликативными факторами риска, чем Мексика, РФ и ЮАР. Наиболее сильные проявления третьего и четвертого факторов риска были зафиксированы в Мексике, России и Южной Африке.

Таким образом, наблюдаются существенные вариации по странам и условиям распространения не инфекционных заболеваний, связанных с нездоровым образом жизни, даже между странами с доходами выше и ниже среднего уровня. Базовая информация о масштабе проблемы факторов риска, представленная в данной работе, может помочь странам, политикам и менеджерам в области здравоохранения в организации

интервенций (принятия мер), направленных на решение глобального вопроса эпидемии неинфекционных заболеваний [20].

В последней статье нашего обзора по международным сравнениям в разных областях, в которых участвовала Россия и Мексика, рассмотрены вопросы изучения почв в контексте палеоклиматических реконструкций [21]. Отмечается, что в последнее время за почвой закрепился образ, как заслуживающий внимания, дополнительный источник информации для исследований по экологической и палеоклиматической реконструкции. Изучение намагниченности минералов, присутствующих в почвенных горизонтах, играет важную роль в понимании сложного процесса, который позволяет получить информацию о состоянии окружающей среды, наблюдаемой во время генезиса и эволюции почвы.

Основной целью данного исследования было сравнение почв с различным «родительским» (parent) материалом, получение магнитного следа (magnetic sign) из почвенного профиля (почвенных разрезов), который может быть использован, чтобы определить источник, ответственный за почвообразующий процесс и магнитное поведение почв каждого почвенного горизонта, а также их возможную связь с состоянием окружающей среды. Исследование, проведенное на основе двух полных профилей погребенных межледниковых лювисолей. Лювисоль (luvisols) это почва, имеющая горизонт накопления активной глины с высокой емкостью катионного обмена и с высокой насыщенностью основаниями; встречается в районах с умеренным гумидным, субгумидным, реже субтропическим климатами.

Изучен лювисоль, образовавшийся в лёссе (loess; лёсс – осадочная горная порода, неслоистая, однородная, известковистая, суглинисто-супесчаная; имеет светло-жёлтый или палевый цвет) в России, в Александровском карьере (пермский край, Александровский район, поселок Карьер-известняк; Alexandrovsky quarry, AQ). Другой лювисоль, вулканокластического (volcaniclastics) типа изучен в Мексике, в каньоне Тлалпан (федеральный округ Мехико сити, район Тлалпан, Barranca Tlalpan, BT). В Александровском карьере магнитная восприимчивость (magnetic susceptibility) повышена в палеосоле (палеопочвах; paleosol), по сравнению с исходным («родительским») материалом. В каньоне Тлалпан, в свою очередь, повышение магнитной восприимчивости отсутствует в почвенном профиле. Увеличение мелкозернистых магнитных компонентов в почве объясняется вновь сформированными минералами. Тем не менее, этот процесс не может компенсировать потерю литогенных магнитных минералов в любом из генетических горизонтов, а результирующий тренд приводит к уменьшению магнитной восприимчивости во всем почвенном профиле.

Почвообразующая среда элювиальных горизонтов в обеих лювисолях является разрушительной для всех магнитных компонентов – как первичных, так и вторичных. Более высокие концентрации антиферромагнитных компонентов (гематит и гётит), найденных в E горизонтах (или E слое; E горизонт – минеральный горизонт в верхней части почвы; как правило, находится только в лесных зонах и лежит под O или A горизонтами; представляет собой светлый выщелоченный слой), связаны с редоксиморфическими (редоксиморфными; редоксиморфический – проявляющий характерные черты, вызванные чередованием восстановления и окисления соединений железа и марганца) процессами [21].

Итак, мы идентифицировали с помощью поисковой машины Google Scholar большую серию зарубежных работ по международным сравнениям, в которых участвовали Россия и Мексика. Эти сравнительные исследования охватывали от 2 до 7 стран и относились к актуальным экономическим, финансовым, политическим, социокультурным,

экологическим и медицинским проблемам. Наибольший интерес в геополитическом плане представляют работы [2, 6], в первой из которых, автор идентифицирует две важные основы при формировании политических культур обеих стран: иберо-американские (Мексика) и евро-азиатские (Россия) слияния; сильные авторитарные и социалистические (коммунистические) корни в обеих странах, а автор второй работы пытается понять каким образом под боком США смогло сформироваться в 20-ые годы XX в. дружественное к Советской России государство. Автор первой работы указывает, что режим управляемой демократии способствовал 70-ти летнему стабильному развитию Мексики под руководством ИРП, и он еще в 2002 г. писал о зарождении аналогичного пропрезидентского режима в России. При этом, он умалчивает, что такой же 70-ти летний режим управляемой демократии существовал в СССР, а также не делает ключевой вывод о том, что режим не управляемой демократии с чрезмерной долей свобод и инакомыслия, навязываемых оппозиционными партиями, приводит к управляемому, со стороны внешних сил, хаосу, падению правящего режима и деградации государства (примеры этого мы видели в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Грузии, Украины и в других странах).

Библиографический список

1. Московкин, В. М. Построение кластеров результатов исследований с помощью специализированных инструментов Google / В. М. Московкин // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2012. – №8. – С. 9-13.
2. Gvosdev, N. K. Mexico and Russia: Mirror images? / N. K. Gvosdev // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2002. – Vol. 10, №4. – P. 488-508.
3. White, W. L. Report on the Russians / W. L. White. – New York: Harcourt Brace (esp. 86), 1945. – P. 113-114.
4. O'Donnell, G. On the State, Democratization, and Some Conceptual Problems (A Latin America View with Glances at Some Post Communist Countries) / G. O'Donnell. – Working Paper 192 (Notre Dam, IN: Hellen Kellog Institute for International Studies), 1993. – 230 с.
5. Leiken, R. S. «With a Friend Like Fox» / R. S. Leiken // *Foreign Affairs*. – 2001. – Vol. 8, №5. – P. 102-103.
6. Spenser, D. The impossible triangle: Mexico, Soviet Russia, and the United States in the 1920s / D. Spenser. – Durham and London: Duke University Press, 1999. – 280 p.
7. Dolutskaya, S. I, Environmental Activists as Agents of Social Democratization: a Historical Comparison of Russia and Mexico / S. I. Dolutskaya. – Doctoral dissertation: Duke University, 2009. – 615 p.
8. Randolph, R. S. Economic Reform and Private Sector Development in Russia and Mexico / R. S. Randolph // *Cato Journal*. – 1994. – Vol. 14, № 1. – P. 109-124.
9. Overman, E. S. Privatization in China, Mexico, and Russia: A Comparative Study / E. S. Overman // *Public Productivity & Management Review*. – 1995. – Vol. 19, № 1. – P. 46-59.
10. Skoufias, E. Consumption insurance and vulnerability to poverty: A synthesis of the evidence from Bangladesh, Ethiopia, Mali, Mexico and Russia / E. Skoufias, A. R. Quisumbing // *The European Journal of Development Research*. – 2005. – Vol. 17, № 1. – P. 24-58.
11. Rodriguez, A. Cultural Differences: A Cross-cultural Study of Urban Planners from Japan, Mexico, the U.S., Serbia-Montenegro, Russia, and South Korea / A. Rodriguez, A. Brown // *Public Organization Review*. – 2014. – Vol. 14, № 1. – P. 35-50.

12. Colliac, S. Three countries' debt profiles: Average maturities in Mexico, Brazil, and Russia / S. Colliac, I. Lapteacru // *Journal of Multinational Financial Management*. – 2008. – Vol. 18, № 2. – P. 94-111.
13. Tiku, P. Six Sizzling Markets: How to Profit from Investing in Brazil, Russia, India, China, South Korea, and Mexico / P. Tiku. – Hoboken, N. J.: John Wiley & Sons, 2008. – 374 p.
14. Wyplosz, C. The Costs of Debt Conversion: Russia and Mexico Compared / C. Wyplosz, K. Yudaeva // *Russian Economic Trends*. – 1998. – Vol. 7, № 4. – P. 26-33.
15. Либин, И. Я. Мексика и Россия / И. Я. Либин, Х. П. Пераса, М. Р. Монтиэль, О. В. Сизова, Е. М. Трейгер // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2012. – № 7. – С. 63-67.
16. Либин, И. Я. Russia is looking for a way out of crisis (prospects for ending the crisis in Russia and Mexico) / И. Я. Либин, Т. Олейник, Х. П. Пераса, М. С. Васкес, О. В. Сизова, Е. М. Трейгер // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2012. – № 6. – С. 47-48.
17. Jones, K. Micro-Level Analysis of Civil Violence: An Event Data Analysis of Kenya, Georgia-Russia, and Mexico / K. Jones. – Center for International and Security Studies at Maryland (CISSM): College Park, United States, 2012. – 29 p.
18. Strock, E. Quality of diabetes care in India, China, Brazil, Mexico and Russia / E. Strock, R. Mazze // *Practical Diabetes International*. – 2009. – Vol. 26, № 5. – P. 195-200.
19. Peltzer, K. Prevalence of Loss of All Teeth (Edentulism) and Associated Factors in Older Adults in China, Ghana, India, Mexico, Russia and South Africa / K. Peltzer, S. Hewlett, A. E. Yawson, P. Moynihan, R. Preet, F. Wu, G. Guo, G. Perianayagam, P. Arokiasamy, J. J. Snodgrass, S. Chatterji, M. E. Engelstad, and P. Kowal // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2014. – Vol. 11, № 11. – P. 11308-11324.
20. Wu, F. Common risk factors for chronic non-communicable diseases among older adults in China, Ghana, Mexico, India, Russia and South Africa: the study on global AGEing and adult health (SAGE) wave 1 / F. Wu, Y. Guo, S. Chatterji, Y. Zheng, N. Naidoo, Y. Jiang, R. Biritwum, A. Yawson, N. Minicuci, A. Salinas-Rodrigue, B. Manrique-Espinoza, T. Maximova, K. Peltzer, N. Phaswanamafuya, J. J. Snodgrass, E. Thiele, N. Ng, and P. Kowal // *BMC Public Health*. – 2015. – Vol. 15, № 1. – P. 1-13.
21. Ortiz, J. F. R. Magnetic Pattern of Luvisol Sequences From Mexico and Russia: An Alternative Analysis of Soil Studies / J. F. R. Ortiz, B. O. Guerrero, E. S. Rebolledo, S. Sedov // *American Geophysical Union, Spring Meeting 2007, abstract #GP21B-02*.